

Durée: 6 heures

Analysez et commentez, **en russe**, les trois documents suivants:

DOCUMENT 1 :

Дмитрий БЫКОВ

<http://www.profile.ru/pryamayarech/item/86547-samaya-strashnaya-tajna>
26.09.2014

Самая страшная тайна

Адаптивность российского населения исключительна, без нее никак не выжить в стране с таким континентальным климатом и точно соответствующим ему историческим циклом. На протяжении одной жизни приходится повторять взаимоисключающие вещи, поклоняться диаметрально противоположным ценностям — поневоле выучишься жить чем-то другим, внеценностным, сугубо прагматическим. И если сегодня надо над чем-то серьезным думать, то именно над этим вопросом: где у российского народа тот рубеж, та твердыня, которой он не отдаст? На какую точку надо нажать, чтобы стопроцентно спровоцировать грозный ответ?

Я не знаю ответа на этот вопрос. И Лев Толстой не знал. И Розанов. И Шолохов.

Про это был написан лучший роман советской эпохи — «Тихий Дон», и сложен лучший анекдот эпохи, про веревочку. Вы его почти наверняка знаете. На советском заводе проводят социологический эксперимент по выявлению протестного потенциала. Объявляют: «С завтрашнего дня работаем без выходных. Кто против?» — Молчание. Через месяц: «С завтрашнего дня работаем без зарплаты. Кто против?» — Никто. Наконец, отчаявшись, объявляют: «С завтрашнего дня начинаем всех вешать. Кто против?» — Одна рука. Все, с надеждой: «Что, товарищ?!» — «А веревка своя или вы дадите?».

«Тихий Дон» — о том, что даже у казаков, самого принципиального и организованного отряда российского крестьянства и воинства, никаких незыблемых правил давно не осталось. Все убивают друг друга очень свободно. А бессмертна только стихия рода: все, что остается, — сын, мать, сестра. Бессмертен только зов весенней земли, на которой надо

работать. Всем остальным можно пренебречь. Но не знаю, остался ли сегодня у кого-то этот зов родства, или уж тем более зов земли.

А что осталось? Айфоны? Да, людей сильно занимают социальные сети, они привыкли ездить по навигатору и закупаться в интернете; но отрубись завтра интернет и запрети власть любые айфоны, это не вызовет никакой революции. Консюмеризм? Но у нас, случалось, жили и вовсе без денег, кормились с огорода, и ничего. Какой консюмеризм в прекрасных городах средней полосы России? Остается та самая стихия рода, то есть дети. Но отправка детей на новую войну должна была бы всех взволновать до дрожи — а ничего, довольны. Гордимся и так далее. То ли страх всех парализовал, то ли какие-никакие чувства могут быть только у людей с элементарной культурой.

Этот вывод, кажется, всё-таки чересчур пессимистичен. Вопрос не в том, ЧЕМ расшевелить российское население, а в том, КОГДА. Россияне в одном состоянии не реагируют даже на голод, а в другом реагируют на любую мелочь; начнись невиннейшие горбачевские реформы раньше, в 70-е, — СССР не распался бы от них, да и партийная власть не рухнула бы. Вопрос не в качестве системы, а в ее возрасте. Ибо главная черта всего русского народа, независимо от убеждений, — проста: ему быстро надоедает. Раз примерно в 20-25 лет.

И тогда его не остановит ничто.

DOCUMENT 2 :

Сергей Сычев беседует с режиссером Андреем Звягинцевым, автором фильма «Левиафан».

<http://www.kommersant.ru/doc/2489672>

16.06.2014

Андрей Звягинцев. Терпение русского человека давно переплавилось в покорность. У него с веками притупилось ощущение собственной правоты, что ли. Правоты как права на что бы то ни было. Его очень легко убедить в том, что он этих прав не имеет. Похоже, что и убеждать не нужно, он это знает на уровне ДНК. Это вам не американец, у которого ощущение самости и самостоятельности в крови. Американец свободолюбив, он сознает свое индивидуальное право на все. Впрочем, будет несправедливым сказать, что русский человек не свободолюбив. Нет, такого ревнителя свободы еще поискать. Но тут есть какое-то неформулируемое различие. Волюшка вольная это тебе не право, гарантированное конституцией или законами штата. Условия, которые русскому предлагает реальность, будто бы лишают его веры в то, что ему по праву принадлежит место под солнцем. Он словно бы всегда в тени и

уже привык к тому. Мы с Олегом (Негиным — сценаристом) долго искали или, лучше сказать, ждали финала. Группа уже давно запустилась с проектом, мы искали город, в центральную площадь которого можно было бы инсталлировать декорацию — здание городской администрации, куда должен был въехать трактор нашего героя, Николая. Мы знали, что это будет двухэтажное строение, уже решали, как будем снимать его разрушение изнутри, согласовывали это с техническими возможностями. Не помню, как именно мы от этого финала окончательно отказались, но помню, что именно в этот момент нам стало легче дышать. Сама онтология русской жизни подсказала нам подлинный финал истории. В первой версии сценария наш герой отвечал на вызов, пусть бессмысленно, пусть беспощадно, но это был его ответ. И тогда на финальных титрах зритель почувствовал бы удовлетворение — обманное удовлетворение. В настоящей окончательной версии ответа нет, и потому вызов этот просто вываливается с экрана в зал. Здесь зритель, оставшись наедине с самим собой, станет отвечать на него самостоятельно.

DOCUMENT 3 :

А.С. ПУШКИН. *Капитанская дочка*. 1836

ПРОПУЩЕННАЯ ГЛАВА

Не стану описывать нашего похода и окончания Пугачевской войны. Мы проходили через селения, разоренные Пугачевым, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что оставлено было им разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правление было всюду прекращено. Помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду. Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачевым, тогда уже бегущим к Астрахани, самовластно наказывали виноватых и безвинных... Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка.